

PRO HACTOBIITTE

ПАМЯТИ ВЕРЫ МАКСИМОВОЙ

ПРОЩАЛЬНЫЕ СЛОВА

04.01.1936 – 28.12.2016

Вадим ЩЕРБАКОВ
главный редактор журнала
«Вопросы театра»

Наш журнал придумала Вера Анатольевна Максимова. Ей важно было соединять под одной обложкой публикации, посвященные как истории сценического искусства, так и событиям современного театра. В идеале ей хотелось, чтобы для обеих частей журнала писали бы одни и те же авторы. Дабы не разрывалась связь между театроведением и критикой, составляющая сильную сторону отечественной литературы о театре.

Можно, конечно, шутить по поводу того, что результат этих ее усилий оказался смелым, но безрассудным опытом в духе экспериментов самодеятельных мичуринцев. Ведь журналу приходится постоянно лавировать между требованиями ВАКа и здравым смыслом. Зато «Вопросы театра» бесплатно публикуют те диссертационные статьи, которые кажутся редакции достойными. И помещают их в избранную компанию ученых и критических текстов.

От Максимова часто можно было услышать, что журнал способствует просвещению театральных масс, поскольку современные деятели сцены, начав читать в нём что-то про себя, могут ненароком заглянуть на страницы исторической части и обнаружить там много интересного. Шутка горькая, рожденная печальным опытом вымывания из профессиональной среды культурного любопытства – да и просто привычки читать.

Свою работу главного редактора журнала Максимова числила среди важнейших занятий последних лет жизни. Воспринимала «Вопросы театра» как инструмент борьбы за подлинный (в ее понимании) театр. Судьба отечественной сцены в последние годы переживалась ею страстно. Свою позицию Вера Анатольевна отстаивала со всей мощью присущего ей темперамента в выступлениях на радио, телевидении и на страницах журнала. Порой запальчиво, порой не выбирая выражений, Максимова боролась не за

место под театральным солнцем, а за сам Театр, за тот его образ, в который истово и до конца верила, который всю ее долгую жизнь в профессии критика не переставал удивлять, волновать, радовать — или заставлял яриться... И думать об увиденном, желать пересмотреть, впитать подробности. Она очень хотела, чтобы поколению ее внуков тоже достался такой театр.

Вопреки расхожим суждениям максимумский образ этого театра был достаточно объемным и включал в себя далеко не только традиционные формы сценического искусства. Она умела видеть актерские удачи даже в работах режиссеров, которых полагала своими принципиальными противниками, была способна искренне заражаться энергией их эмоциональных высказываний.

Пожалуй, больше всего Максимова доверяла пастернаковской формуле: «талант – единственная новость, которая всегда нова». Наличие и меру таланта определяла по старинке – с помощью чувств, стараясь не закрепощать их веригами предрассудков. Она обладала даром чувствовать творчество актера как мало кто другой, умела находить в этой стихии логику, определять сквозные темы. И блистательно владела мастерством перевода театральных впечатлений в живое литературное слово.

Вера Анатольевна была в профессии перфекционисткой, работала над статьями и книгами долго и тщательно. Редактура номеров журнала превращалась в изнурительную борьбу с авторским косноязычием — иногда врожденным, чаще же вызванным небрежностью скорописи. Воистину, нет в наше время для театроведа работы благодарнее журнальной. И все же Максимова даже от нее умела получать радость.

Пафос соединения талантов соседствовал в ней с энергией размежевания, которая иногда наносила журналу немалый урон. Однако такова уж была природа этой звезды. Без ее сияния мир, конечно, стал проще. Хотя эта простота воистину хуже воровства.

**Алексей БАРТОШЕВИЧ,
доктор искусствоведения,
профессор**

В наш век режиссерского театра, когда власть постановщика становится абсолютной, актер, который всегда был главной, определяющей фигурой, способен вдруг оказаться в крайне зависимом, если не в униженном положении. Из гордого владыки подмостков он все чаще превращается в деталь театрального зрелища. Радикально «режиссероцентристский» взгляд на сцену давно проник и в театральную критику.

Нетрудно представить себе искусство стариков Художественного или Александринского театра по статьям Н. Эфроса, А.Кугеля или П. Маркова. Но много ли узнает историк будущих лет о том, как играли актеры нашего времени?

Вера Максимова принадлежала к редчайшему роду критиков. Она была пламенным защитником и страстным певцом актера. Конечно, Максимова умела талантливо и безукоризненно точно писать об искусстве режиссеров, старых и новых. Она принадлежала к поколению, чья молодость совпала с молодостью «Современника», о котором написаны многие ее работы. Писала она о спектаклях Эфроса, Любимова, Товстоногова. И все же ее приход в Малый театр, в эту крепость русской актерской традиции, был, можно сказать, неизбежен. В сущности, она заняла позицию идеолога Малого театра, к старикам которого, наследникам и носителям великого наследия, относилась одновременно с дочерней и матерински-защитительной нежностью. Как никто иной, она умела видеть и понимать актера и объяснить его ему самому.

Актеры – не только старики, и не одного только Малого театра, отвечали ей любовью и доверием.

Как подлинный человек идеи, Вера Максимова твердо знала свои «за» и «против» и, со страстью и яркой талантливостью отстаивая свою веру, готова была идти до конца. Она была мастером того, что англи-

чане назвали «искусством создавать себе врагов». Она часто могла быть слишком резкой, а иногда односторонней в текстах и высказываниях. С ее взглядами, оценками людей и спектаклей можно было не соглашаться. Бывало, мы спорили и расходились, не придя к общему мнению. Но ее страстную и последовательную преданность идее нельзя было не уважать, нельзя было не восхищаться тем, с какой яростью и с каким блеском она исполняла то, что считала своим долгом, своей человеческой и профессиональной миссией – шла ли речь о ее статьях, выступлениях на театральных диспутах или о труде редактора созданного ею журнала.

Она ушла, и в жизни русской сцены образовалась пустота, которую нечем заполнить

**Василий БОЧКАРЕВ,
народный артист РФ. Государственный
академический Малый театр**

Она была красивой женщиной, аристократичной, свободной и независимой в своем мнении. И это ее определяло – она была независима, очень тверда в своей позиции относительно реалистического театра. Мы потеряли одного из мощных его защитников. Когда Товстоногов уходил из жизни, он беспокоился, что тот театр, который он оставляет, растворится, уйдет. Его беспокойство было обоснованным. Присутствие Веры Анатольевны в театре для меня было очень важно. Она всегда, во всех работах оглядывалась на завоевания русского психологического театра. Максимова считала, что театр – художественный воспитатель человека.

Говоря о Малом театре, она вспоминала обо всех театрах Москвы, она любила и хорошо знала этот мир изнутри. Когда, например, писала о Юлии Борисовой, преклоняясь перед ее дарованием, отдавала дань и ее человеческим качествам. Для нее человеческие и профессиональные качества актера были единым целым.

Возможно, она немного фантазировала за артиста и о ролях, которые он играл. Когда говорила о Ефремове, о Евстигнееве, о «Современнике», других артистах, ее можно было слушать бесконечно, сама ее речь была произведением искусства, потому что она блестяще знала предмет обсуждения и самого человека.

Для меня критик является полноценным участником построения спектакля и роли, вхождения в персонаж и нахождения верной атмосферы, среды и так далее. Я очень благодарен Вере Анатольевне за спектакль «Дети солнца». Все участники спектакля много работали, и она феноменально помогала нам своими точными советами.

«Раздвинув ноги у культуры, / Он эпатрирует народ...», – я прочел эпиграмму Валентина Гафта в одном из номеров «Вопросов театра». Вера Анатольевна боролась с теми театральными деятелями, в спектаклях которых бессмысленный эпатаж замещал собой суть. Она знала театр досконально: и его историю, и его сегодняшнее состояние. Людей с таким объемом знаний и пониманием, как может развиваться русский психологический театр, сейчас мало. Конечно, были сторонники и люди, несогласные с ее позицией. Но она всегда отстаивала свою точку зрения, с одной стороны, очень корректно, а с другой, настойчиво и аргументированно.

Пребывая в Малом театре, она защищала именно это актерское гнездо, понимание дома, понимание линии развития каждого артиста. Она очень горячо выступала за репертуарный театр, за его традицию, не идеализируя, понимая, что есть много спорных вопросов. Сам принцип репертуарного театра – она его отстаивала. И очень беспокоилась всегда, когда у артистов наступала пауза, она хотела, чтобы артисты всех поколений имели достойную работу.

Мне очень нравилось разговаривать с ней о том или ином спектакле: например, о Някрошюсе в сопоставлении с русской традицией. Если у режиссера есть «корень»,

своя правда, основа театра, когда все мотивировано человеческими взаимоотношениями, тогда это вызывает хорошую зависть. Она всегда говорила, что движение вперед, поиск оригинальности и современности должен присутствовать, как бы театр не был академичен. И соприкасалась с традициями театра, которые определял в свое время Южин.

У Веры Анатольевны есть одна статья, которая мне очень нравится, в ней она рассказывает о том, как рождается спектакль. Как зритель идет в театр, чтобы получить наслаждение от встречи с первым спектаклем. Как актеры ищут контакта со зрителем, как в этот вечер происходит рождение или отторжение того, что происходит на сцене. Для нее это было сродни религиозному чувству. При всем ее умении анализировать, мне кажется, она смотрела большей частью, как простой зритель.

Я потерял человека, который был мне необыкновенно дорог, потому что это была часть моей биографии – и человеческой, и актерской. Актер часто замыкается в своей

профессии, своих спектаклях, своих съемках, мир становится совсем узким, мы часто не видим того, что происходит вокруг. Она как раз давала возможность тем актерам, которые, разумеется, хотели это увидеть и услышать, открыть окно в огромное театральное пространство. Для меня эта большая потеря связана с захлопнувшимся окном в этот прекрасный мир. Очень много проходит мимо. А она могла прийти в театр, рассказать, что я пропустил, что нужно посмотреть, на чем остановиться. Это действительно такая настоящая творческая работа заместителя художественного руководителя, которую она исполняла с большой любовью, искренностью и преданностью Малому театру.

И потом журнал «Вопросы театра» – статьи, люди, которые работают в этом журнале, мне это очень все дорого, я знаю, что они со мной пойдут и дальше, и я смогу к ним всегда обратиться, найти то, что нужно в данный момент.

Марина ЕСИПЕНКО,
народная артистка РФ,
Государственный академический
театр им. Евг. Вахтангова

Дорогая Верочка... Именно Верочка – называть по-другому не могла, да и она не хотела. Потеряв Верочку, я потеряла сестру – не по крови, но по духу, по отношению к жизни, профессии. Человека, который, не задумываясь, встанет на твою защиту, если обижают, который скажет тебе всю правду, но деликатно и красиво. А уж если похвалит, то как никто!

Великий мастер слова. Расскажет так эмоционально, как не всякая артистка сможет. Немного рассеянная, с безупречным вкусом, красавица, и – острый ум, грамотность, изысканность в выражении точных мыслей, мудрость, ироничность, блестящий юмор. Максимова – «штучный товар». В своих рецензиях она всегда на стороне артиста. Не обвиняет, не клеймит, не осуждает. Может интеллигентно подсказать

ход, дать совет. Или не напишет совсем! Но никогда, никакого хамства, желтизны или чего-то на потребу.

Я счастлива, что одна из последних ее работ – буклет к моему юбилею. Я читала: сначала краснела, потом плакала... Даже не знала, что так можно обо мне... Если о тебе пишет такой критик, как Вера Максимова, значит тебе в этой профессии что-то удалось. Буклет для меня – абсолютная драгоценность.

А Верочка – абсолютная драгоценность для русского театра. Для критического цеха. Всегда честно, чисто и высоко. Она всегда была уверена, что красота и театр спасут мир. Говорят, она была личностью противоречивой, жесткой в изложении своей позиции. Не знаю. Мне с ней было легко и интересно – так же легко и интересно, как с великим режиссером Петром Фоменко. Глыбы, личности, мои «мерила» и ориентиры. Какое счастье, что Верочка была в моей жизни!

Александр КОРШУНОВ,
народный артист РФ,
главный режиссер Московского
драматического театра «Сфера»

Несколько лет назад, в уютной гостиной Дома актера, поздравляя Веру Анатольевну Максимова с юбилеем, я вспомнил эпизод, услышанный мной в студенческие годы от замечательного Виталия Яковлевича Виленкина. Он рассказывал, как легендарный Павел Александрович Марков, великий театровед и многолетний завлит МХАТа, будучи летом на отдыхе в одном из Домов творчества, собрался пойти в соседнюю деревню, в сельский клуб, посмотреть спектакль народного самодеятельного коллектива. Услышав об этом, один из отдохнувших там же молодых критиков (Виталий Яковлевич не стал называть его фамилию) изумился и стал отговаривать Маркова: «Павел Александрович, ну зачем вы идете? В какой-то клуб? За несколько километров? Вместо того, чтоб спокойно

отдыхать? Ну, что там может быть интересного?» Павел Александрович грустно посмотрел на него и сказал: «Молодой человек, вы никогда не будете критиком. Критик должен “шляться”!..»

Я говорил тогда Вере Анатольевне, что она принадлежит именно к той редкой и замечательной породе театральных критиков, которые влюблены в театр и видят главную задачу в том, чтобы искать и находить все талантливое, искреннее и самобытное, и помогать этим росткам одаренности. Вера Анатольевна была именно таким критиком, театроведом, писателем, деятелем театра. Она воистину умела влюбляться! В режиссеров, актеров, в спектакли! И, влюбившись, делала все, чтобы помочь нарождающемуся – состояться, а родившемуся – жить, крепнуть, развиваться, сделаться достоянием и радостью многих!

Так было на «Детях солнца» Максима Горького, замечательном спектакле, поставленном в Малом театре Адольфом Шапиро. Вера Анатольевна очень хотела, чтобы союз театра и режиссера состоялся. С самого начала работы «болела» за нашу команду, бывала на репетициях, переживала за каждого из нас. А когда спектакль стал складываться, она искренне радовалась, восторженно поддерживала всех! И в том, что «Дети солнца» стали событием театральной жизни Москвы, тонким, атмосферным, глубоким спектаклем с целым созвездием прекрасных актерских работ, была безусловно большая заслуга Веры Анатольевны.

И еще... Вера Анатольевна была строителем, созидателем театра. Она любила подлинно глубокий, человеческий, психологический театр. Театр живой, правдивый и трепетный. И была ответственна за его судьбу и помогала ему БЫТЬ!

А какая это была очаровательная, изысканно красивая, всегда молодая и энергичная женщина!..

Как она говорила! Всегда блистательно, ярко и всегда точно, с ясной перспективой мысли – «поделу»!..

Я навсегда благодарен Вере Анатольевне за ее теплое отношение к нашей семье: к отцу, Виктору Ивановичу, к маме, Екатерине Ильиничне Еланской, и лично ко мне. Я это всегда очень чувствовал. А как это важно: знать, что тебя любят и в тебя верят!

Отец, будучи директором Малого, очень хотел, чтобы Вера Анатольевна пришла в театр завлитом, и был счастлив, когда это случилось. Неоценима помощь Веры Анатольевны в подготовке и издании его чудесной книги «Пережитое».

А театр «Сфера», созданный Екатериной Еланской, всегда был для Веры Анатольевны родным. Она бывала на всех премьерах, участвовала во всех значимых событиях его жизни, сопереживала, поддерживала и радовалась вместе с нами...

Спасибо Вам, дорогая Вера Анатольевна, Верочка, за добрую душу и трепетное сердце, за тепло, внимание и заботу...

Спасибо за маму, за папу, за нашу «Сферу».

Низкий Вам поклон и вечная наша благодарная память!..

Людмила ПОЛЯКОВА,
народная артистка России.
Государственный академический
Малый театр

Что такое для меня Вера? Вера... Вера! Вера для меня олицетворяет веру! Веру в искусство, веру в то, что все будет хорошо.

Потом она для меня, прежде всего, Женщина. Изящная, утонченная женщина с огромным вкусом, и при этом совершенно феноменальная голова, которая вмещала целую энциклопедию знаний об искусстве, литературе, театре. Для меня Вера всегда была Гамбургским счетом, я всегда знала, что, если она что-то одобрила, это нужно посмотреть, прочитать обязательно.

Ее уход – безумная потеря. Мы осиротели, потому что так нужен человек, которому доверяешь, вкусу и мнению которого безоговорочно веришь. И Вера для меня была таким камертоном. Ее фанатическая,

фантастическая любовь к Малому меня согревала. То, что она так верила в актеров Малого, давало нам силу.

Умница, женщина до кончиков пальцев. У нее был удивительный дом. В нем было всегда тепло и хорошо. Она была удивительной хозяйкой, очень хорошо готовила. Ее дочь обещает мне найти ее фирменный рецепт баранины в клюквенном соусе – это было что-то невообразимое. Как она любила собрать людей, близких ей по духу, за огромным круглым столом. И вот мы все приходили, зажигали свечи и болтали... болтали обо всем, это были удивительные вечера.

Когда мы с ней впервые встретились в Малом театре, я удивилась, что она меня знает, следит за моими работами. Оказывается, она видела многие мои работы и до прихода в Малый, даже не самые значительные, как маленький Джон в «Робин Гуде» или Роза в «Маленьком принце». Оказывается, она меня взяла на заметочку давно. «Серсо» она вообще знала наизусть. И первый вариант «Вассы Железновой», и весь этот период в драматическом театре им. Станиславского. Удивительный человек, она феноменально была погружена в театральную жизнь Москвы. Знала, обо всем имела свое мнение.

И, понимаете, ее мнение меня «возвышало». Ведь бывает же, что благосклонное отношение, дружба тебя делает сильнее. Тот факт, что я знала, как она ко мне относится, давал мне возможность чувствовать себя личностью.

Мы жили рядом и часто шли вместе из театра или на машине подъезжали. Доедем или дойдем до дома, вот так ее дом, а рядом мой – в соседних переулках. И сближение наше произошло совершенно ненавязчиво. Мы могли на улице с ней еще час разговаривать, до дома дойдя.

Она приводила в театр режиссеров, принимала участие в выпуске спектакля. Она болела за выпуск спектакля. Проходя мимо моей примерной на Основной сцене, всегда заглядывала: «Милуша, как ты?».

Мы обсуждали с ней спектакли. Она застала и «Детей Ванюшина», и «Ревизора» – важные для меня работы. И потом у нас были «Дети солнца», когда мы все очень сплотились, были как семья. Она очень хотела, чтобы Шапиро работал в театре, приходила на каждый спектакль. Мы часто оставались после спектакля и позволяли себе иногда распить бутылочку вина.

Мы с ней делали книгу, основанную на моих дневниках, и я говорила очень откровенно. У нас был такой человеческий контакт – я свободно могла говорить с ней обо всем.

У нас с ней не такая большая разница в возрасте, я всегда говорила, что я – позднего развития. У меня в детстве среда вокруг была совсем другая, не было ни книг, ни музыки, ни театра, ничего. Я начала свое развитие, когда поступила в Щепкинское училище. И вот, когда ты встречаешь человека, который на столько ступеней выше и образованней, то хочется дотянуться – хоть чуть-чуть.

Бог подарил ей все – красоту, ум, талант, вкус, прекрасных друзей, возможность испытать любовь. Она была иногда трогательная и смешная, иногда обидчивая. Мне всегда было очень важно ее мнение, а теперь я осиротела... осиротела.

**Юрий СОЛОМИН,
народный артист СССР,
художественный руководитель
Государственного академического
Малого театра**

С Верой Анатольевной мы были знакомы лет 50. Часто встречались в Доме актера, который тогда находился на улице Горького. В то время были популярны актерские вечера. В них участвовали известные артисты московских театров, подключалась и молодежь – актеры, театроведы и режиссеры. Там выступали и корифеи Малого театра, потому что в то время директором Дома актера был Михаил Иванович Жаров. Вера Анатольевна принимала участие

в организации этих вечеров, так как была очень знающим и ответственным человеком. Тогда мы просто здоровались. Потом не стало Михаила Ивановича Царева, а я знаю, что она его поддерживала, и он ее за это ценил. Тогда мы стали общаться чаще.

Для театральной культуры ее уход – большая потеря. О нашем театре тут и говорить нечего – мы потеряли очень дорогого человека. К Малому театру она всегда относилась с большим уважением. Когда она пришла сюда работать моим заместителем, в театре с радостью ее приняли. Критик должен быть советчиком режиссера, художника, актера – должность заместителя художественного руководителя я понимаю именно так. Вера Анатольевна поддерживала меня во многих вопросах. Она была борец. Она была добрым человеком, добрым даже как критик. С ней всегда можно было поделиться и радостью и горем. У нас с ней было одно понимание профессии, одно понимание критики. Разумеется, ей не все нравилось в Малом, и она говорила об этом.

Каких-то режиссеров она предлагала пригласить в театр. Кого-то обходила стороной. И на сдачах спектаклей в Малом театре мы с ней часто ругались – активно и очень темпераментно доказывали друг другу свою точку зрения. Но в конце всегда приходили к общему мнению.

Я очень благодарен Vere Анатольевне за книгу, которую она обо мне написала. Я слышу много отзывов о том, каким хорошим языком она написана, как легко читается. Так было со всеми ее статьями. Я всегда буквально «проглатывал» ее материалы в журнале «Вопросы театра».

Она прекрасно знала московские театры, всегда следила и за выходом премьер и за жизнью спектаклей, давно существующих в репертуаре, считала своим долгом смотреть вводы. За многими нынешними корифеями она начала следить с их первых работ на сцене. А о своих любимых спектаклях могла говорить долго и очень интересно, знала каждую деталь.

На обсуждениях спектаклей с артистами она жестко, но справедливо высказывала свою точку зрения. Готова была выслушать противоположную, но не всегда могла с ней согласиться. Она всегда виртуозно разбирала спектакли, не пыталась обидеть актера, но своим несогласием с его трактовкой роли хотела помочь двигаться дальше или поддержать своей похвалой. К моему сожалению, таких мастеров осталось немного, но я очень надеюсь, что журнал «Вопросы театра», которым она руководила, не свернет с намеченного ею пути.

В последний раз, когда мы встретились по поводу «Золотой маски» в Министерстве культуры, она занимала позицию определенную и очень мужественную. До последних дней она была борцом за сохранение имени русского театра и актерской школы.

Вера Анатольевна всей душой болела за фестиваль «Островский в Доме Островского», который вот уже более 20 лет проходит на сцене Малого театра, она понимала, как

важно провинциальным театрам показывать спектакли на столичной сцене. Слово «провинция» я произношу с гордостью, без какого-либо уничижения. Я сам из провинции, многие великие актеры начали свой творческий путь в провинциальном театре. И мне очень горько, что в этом году Министрство культуры денег на фестиваль нам не выделило.

Когда-то Вера Николаевна Пашенная говорила нам, своим студентам: «Уходя со сцены, оставляйте кусочек сердца на сцене», и я уверен, что Вера Анатольевна в своей профессии старалась придерживаться этого принципа. В каждой своей работе – будь то статья, новый номер журнала, книга, она оставляла кусочек своего сердца.

**Елена СОТНИКОВА, актриса.
Государственный академический
театр им. Евг. Вахтангова**

Как ни странно, критики, театроведы обычно существуют сами по себе, в жизни особо не интересуясь героями своих статей. Меня всегда поражало, как просто Вера Анатольевна Максимова общалась с артистами – и в театре, в котором я служу, и в Доме актера, и в заграничных поездках.

Она, всегда ухоженная и элегантная, подходила и очень энергично, будто чуть простуженным голосом, рассказывала о новых спектаклях, о том, кто ей понравился, кто – нет, о театральных фестивалях, которые скоро пройдут в Москве, советовала, что стоит посмотреть. Она всегда говорила только о театре и людях театра, казалось, что ее эмоциональный монолог был бесконечен.

Совсем недавно, после нашего спектакля, Вера Анатольевна с грустью призналась: «Знаешь, Ленка, мне кажется, что мое поколение критиков уже никому не нужно. Молодые коллеги просто пересказывают фавулу и считают, что этого достаточно». Она принадлежала к таким театроведам, которые подробно разбирали спектакль – работу режиссера, актеров. Это всегда был

интересный, содержательный анализ, иногда восторженный, иногда – критичный и едкий, но всегда было понятно, что статья написана профессионалом, посвятившим всю жизнь любимому делу.

Жаль, что больше не увижу ее, сидящей с блокнотом в руках на премьере, не прогуляюсь с ней под ручку на гастролях. Жаль, что уходят «шестидесятники» – актеры, режиссеры, критики – романтики и интеллектуалы... Мало осталось людей, с которыми хочется поговорить, поспорить, поделиться чем-то важным... Вечная память вам, дорогая Вера Анатольевна.

**Валентина ТАЛЫЗИНА,
народная артистка России**

Мы познакомилась с Верой при весьма своеобразных обстоятельствах – в нее тогда был влюблен мой однокурсник Вадим Беров. Может быть, не вполне корректно начинать с этого, но из песни, как говорится, слова не выкинешь...

Поскольку в красавца-Вадика были поголовно влюблены все девочки с курса, нас чрезвычайно интересовали объекты его чувств. Сперва он выбрал нашу однокурсницу – потрясающую Эллу Бруновскую. Они были фантастической парой, и всем нам волей-неволей пришлось с этим смириться. Потом нас вместе с Вадиком, который был моим партнером, начиная с отрывка на втором курсе и вплоть до нашего дипломного «Цимбелина», где я играла Принцессу Имоджену, а он моего мужа Постума, пригласили в Театр им. Моссовета. В этот момент в труппу пришло много молодежи, все мы держались друг друга и составляли, как говорится, одну компанию. Центром ее был Вадик – прекрасный артист, уникальная личность, которого за его нездешнее внутреннее благородство и доставшуюся от папы-осетина восточную стать еще на курсе прозвали «Графом». Я столь подробно говорю о Вадиме, чтобы стало понятно: как мы все были заинтригованы, когда узнали, что в жизни его, спустя какое-то время

после развода с Эллоу, появилась женщина. (А Вадик, надо сказать, несмотря на массу поклонниц, которая его всегда окружала, был в своих отношениях с женщинами чрезвычайно сдержан.)

...Вскоре мы увидели молодую девушку, приблизительно одних с нами лет. Она оказалась невероятной умницей, с замечательным вкусом, очень тонко понимающей актеров, при этом абсолютно не кичащейся своим университетским образованием. Предстала человеком достаточно закрытым, однако, благодаря Вадиму, достаточно легко вошла в наш актерский круг, стала нашим общим другом. Звали ее Вера Максимова.

Думаю, я не погрешу против истины, если скажу, что она с первых дней нашего знакомства очень хорошо ко мне относилась. Наверное, ценила как артистку и нередко говорила какие-то хорошие слова – порой вскользь, словно мимоходом, а ты потом еще долго соображала, сколь точно это было сказано. Вера умела увидеть в человеке хорошее и сказать ему об этом.

Их расставание с Вадимом было очень драматичным. Вадим пил. Это превращалось в болезнь, особенно прогрессирующую на фоне прихода в театр Гены Бортникова – «солнечного мальчика», рядом с которым Вадик стал ощущать себя «вторым номером». Вера боролась за него, но насколько я могу судить, в конечном счете пожертвовала своей любовью ради дочери.

Помню, тогда мне стало обидно за Вадима. В 1972-м мы его похоронили, и с Верой долгое время не общались, а потом встретились уже через много лет. К этому моменту она стала, что называется, настоящим мэтром. И то, что она говорила – есть у актеров такое выражение, – всегда «шло в десятку». Она не просто замечала недостатки, но могла по-настоящему помочь в работе. Помню, как она пришла на один из наших прогонов и замечательно точно разобрала мою роль, сказав, в каких местах как именно нужно ее «дотянуть».

Она очень тонко чувствовала артиста – буквально до дна. А после ее статьи обо мне («Маленькая повесть о жизни актрисы») я сказала: «Вера, мне стоило родиться, прожить эту жизнь, чтобы обо мне так написали!» При том, что в чем-то она ошиблась, где-то слишком уж подчеркнула мое омское происхождение... Но такие замечательные слова были сказаны – я, может, и подозревала что-то подобное, но, конечно, не была в этом точно уверена... Порой мы ссорились, порой не разговаривали по несколько лет. Однако в какой-то момент пересекались где-то – и будто не было этих размолвок, недопониманий, перерывов в общении.

Прошлым летом моя внучка поступала в Щепкинское училище. Я никого ни о чем не просила и вообще ничего не делала, дабы как-то ей «поспособствовать». Хотя знала, что курс набирает Володя Сулимов из нашей прежней «моссоветовской» молодой компании. 4-го июля было конкурсное прослушивание. Настя, как потом выяснилось, ужасно волновалась, забыла текст, но еще больший ужас был у нас с дочерью – мы сидели и страшно переживали: как там всё проходит? Тут я дрогнула и позвонила Вере:

– Где ты?

– Я в больнице.

– И долго ты там еще собираешься быть? (Я ведь не знала, в чем дело, она скрывала это от меня.)

– Ну, еще поддержат меня здесь немного – сказала она, ничем не выдавая того, что переживала.

Я говорю: «Вера, позвони Вовке, узнай, пожалуйста, про Настю, потому что у меня на это сил нет...».

И она позвонила Сулимову и сказала: «Володя, неужели ты внучку Вальки Талызиной не возьмешь?» Он ответил: «Вера, успокойся! Все нормально».

И после этого мы все сговаривались, как после окончания дачного сезона (она всегда проводила лето с внуками на даче) придем к ней. Но пришли только 30 декабря на прощание с Верой.

Она была очень добрым человеком. И была личностью. Для того чтобы так понимать природу артиста – надо непременно обладать этими качествами.

Ольга ТУМАЙКИНА,
заслуженная артистка РФ.
Государственный академический
театр им. Евг. Вахтангова

Вера Анатольевна Максимова, спасибо огромное за роскошь общения. Жаль, что не сложились более близкие отношения, что профессия не свела настолько, чтобы можно было вздохнуть часами о чем-то говорить. Я понимала, что существуют буквально минутки, чтобы напитаться ее эмоциями, которыми она делилась относительно твоей работы или всего спектакля, или положения дел в театре. Ее речь, ее язык – редчайшая вещь, по которой я нынче часто очень страдаю, опасаясь, что это для нас (или нами) утрачиваемое.

Дальше: Вера Анатольевна очень рядом. Это ощущение связано с очень хорошими людьми, к которым испытываешь нежные теплые чувства, похожие на обожание. Так вот, тут восторг от величия профессии, внутренней системы координат, дисциплинированности по отношению к работе – к тому, что Вера Анатольевна собирается посмотреть, потом разложить по полочкам и, не пересказывая содержания, чем сейчас грешат многие, сделать экскурс в историю пьесы или спектакля, взаимоотношений персонажей, написать эссе. Восторг от эмоционального опыта, которым она владела, помноженный на ее способность видеть детали.

Ее приход в театр вообще был как праздник. Складывался день имени Максимова. Мы жаждали поговорить после спектакля. Почитать то, что она напишет. Потом ее мнение передавалось из уст в уста. Она была высочайшим профессионалом. Алла Казанская призывала нас в институте имени Щукина следовать девизу: «Делай, что должно, и будь, что будет, а будет очень

хорошо». Вера Анатольевна точно знала, что должно ей делать, как ей делать, и не сомневалась, что получится хорошо.

В процессе репетиций, да и в жизни у многих людей, есть такая манера: «Вот то-то и то-то, НО...». Эта отрицательная частичка «но» может отменить все нововведения, которые ты привнес в работу, твой энтузиазм и так далее. Бывают режиссеры, которые говорят иначе: «Вот то-то и то-то, И...». «И» предполагает продолжение, то есть саму жизнь. Это придает тебе сил, умножает их. Вера Анатольевна владела искусством под названием «И». Это был ее мир, которым она делилась, предлагала в нем поселиться, и позитивного, положительного, жизнеутверждающего в нем было бесконечно много. Если же она произносила «но», это значило, что существует очень мощная тому причина, она умела объяснить, почему не состоялось, почему нельзя, почему не следует, почему не справились, почему это не воспитывает, почему это анти, почему это не дарит любовь, не имеет права быть на сцене, почему это не театр и не профессия.

И... Она очень красивая. В стенах театра много случайных людей, которые держатся как тени, мешают жить и работать, если рот открывают, то хочется бежать, спасаться. Это я сейчас сказала грубо – есть, с чем сравнивать. И за эту «сравнительность» я ее тоже благодарю.

И... все ее публикации. Я получала настоящее эстетическое удовольствие, когда читала ее тексты. Я всегда предпочитала остановиться и дать себе время познакомиться с тем, что она думает. Это же все – мои науки. Это важно было для меня. Не думаю, что я одна такая. Я начала с того, что наши встречи были редки, и я о ней, наверное, больше знала, чем она обо мне. Таких, как я, нас – целая армия. Тех, кто пробует рассказать со сцены историю одной любви или нелюбви, попытаться воспитать в человеке лучшее, или возобновить, если оно утрачено, поделиться своими мыслями и опытом, оставить след, подарить зрите-

лям желание прийти еще раз в театр. Если и есть, о чем пожалеть, то о том, что многое, наверное, осталось не сделанным Верой Анатольевной с нами. Нас много, она – одна. Тем дороже было внимание, которым она одаряла твою персону или спектакль, в котором ты играешь.

Когда я узнаю печальные новости, удивление и несогласие бьют наотмашь. За этим следует отказ принять это – такая примитивная защитная реакция. Соответственно, Вера Максимова просто отлучилась. В командировку. Я предпочитаю думать именно так.

**Адольф ШАПИРО,
режиссер, театральный педагог,
профессор**

Я был знаком с Верой Максимовой много лет, и даже не помню, когда и при каких обстоятельствах мы встретились впервые, но настоящее наше знакомство произошло в тот момент, когда я ставил «Детей солнца» в Малом театре. Она меня тогда немало удивила, поразила, в чем-то насмешила... При всем при том, что ее серьезность, несомненно, подкупала – под серьезностью я имею в виду, прежде всего, отношение к театру, к работе. Отношение, которое, наверное, можно назвать любовью...

Признаться, я начинал скучать, когда она долго не появлялась на репетициях. Неизменно подтянутая, с эффектной прической, всегда на каблуках (без каблучков ее невозможно себе представить), она всегда приносила с собой особое настроение сопричастности, сотворчества. С тех пор, как я работал с Романом Тименчиком – моим помощником по литературной части в Рижском ТЮЗе, мне, пожалуй, не доводилось встречаться со столь активным участием критика, театроведа, завлита в репетиционном процессе. Не могу сказать, что всегда соглашался с ее мнением, учитывал те замечания, которые она делала, но прислушивался к ним – безусловно. Поскольку это был человек оригинально мыслящий, и са-

мое главное – очень хорошо понимающий и чувствующий артистов. В последнее время это качество стало у нас чрезвычайно редким. Мне кажется, критики сегодня больше занимаются концепциями, контекстуальностью, а у Веры было почти студенческое по первичности своей восприятие театра. Это «студенческое» восприятие включало в себя и радикальность суждений, и категоричность, то и дело возникавшая по некоторым поводам непримиримость позиции. Мы с ней, надо сказать, довольно часто спорили по поводу новой режиссуры – и надо отдать ей должное: если поначалу она отдельных ее представителей совсем не воспринимала, не брала в расчет, то с течением времени отношение менялось. Могла однажды сказать в отношении кого-то из молодых да ранних: «Знаешь, а в этом спектакле артисты у него хорошо работают. И вообще, он, возможно, небезнадежен...».

Она всегда пребывала в поиске хорошего в театре. Что не могло не внушать уважения и опять-таки выгодно отличало ее от многих представителей критического цеха. А гнев – если он возникал – был направлен исключительно в сторону режиссеров или директоров, то есть тех, кто иной раз мешает актеру раскрыться в полной мере. Милость же ее распространялась, в первую очередь, на артистов. Как замечательно она умела говорить об артистах Малого театра: она была просто влюблена в них, и это чувство было не лишено оснований. Я мог сполна убедиться в этом, когда начал репетировать в Малом (это стало, как я понимаю, во многом результатом ее усилий – если Вера за что-то бралась, то это не могло не осуществиться). Великолепная труппа, собрание ярчайших индивидуальностей! Та компания, с которой мы встретились в работе над «Детями солнца» – поистине один из лучших ансамблей в моей режиссерской судьбе. Бытует мнение, довольно распространенное, связанное с тем, что Малый театр пребывает как бы в стороне от «магистральных путей» современной сцены,

что его артисты консервативны, тяжелы на подъем, изрядно «забурели». Ничего подобного! Я обнаружил в них, помимо таланта, невиданную жажду делать что-то новое. И абсолютно убежден, что здесь также не обошлось без влияния Веры Максимовой, которая всегда была рядом. Они, насколько я мог судить, всегда прислушивались к ней, держа в голове своего рода «поправочный коэффициент» на некий момент экзальтации, что был для нее характерен.

У нас на этом спектакле сложилась традиция – весьма редкая по нынешним временам – артисты не бежали домой сразу после финальных аплодисментов: мы собирались в одной из гримерок, обсуждали прошедшее представление, произносили длинные тосты в грузинском духе, отмечая чей-то день рождения или иную дату (кстати сказать, замечательный помощник режиссера никогда не говорила мне: «Спектакль такого-то числа», но непременно – «Такого-то числа мы собираемся»). Вера всегда старалась бывать на этих посиделках. Она вообще каким-то удивительным образом соответствовала этому особому дому со всеми милыми и прелестными чертами устоявшегося за века сценического быта, она казалась накрепко вписанной в эту традицию. Она действительно «жила театром». Признаюсь, иногда мне было трудно выслушивать ее двухчасовые ночные телефонные монологи с вечным перескакиванием с одной темы на другую и с одного актера на другого, но в них сквозила громадная поглощенность общим делом, бесконечно далекая от конъюнктурных соображений. В ее разговорах начисто отсутствовала хитрость и напротив – явственно чувствовалось стремление преодолеть пресловутую «дипломатичность», столь свойственную театральному сообществу.

Однажды она собрала нас всех – «Детей солнца» – у себя дома. Это был изумительный вечер: с какой любовью она встречала и привечала, как замечательно хозяйничала, какой прекрасный был накрыт стол и

как весело было за этим столом! Мне даже показалось, что именно так, в подобной атмосфере собирались в прежние времена мхатовцы или артисты Малого театра. Мы почти не вспоминали о делах театральных – все больше легкие подтрунивания, шутки, объяснения в любви... И в последнем нашем разговоре она несколько раз возвращалась к тому, как она хочет, чтобы мы опять к ней пришли, и рассказывала, чем собирается нас потчевать.

Интересно, чувствовала ли она свое одиночество, неизбежно наступающее в жизни каждого человека в определенном возрасте? У меня такое ощущение, что нет. Наверное, еще и потому что, она, прежде всего, любила смотреть спектакли. Смотреть и «читать» их. За исключением тех случаев, когда она заведомо не была настроена на это чтение – тогда переспорить и переубедить ее было чрезвычайно трудно. Но в этом тоже, по всей видимости, заключался особый «раздражитель», сущностно необходимый ее театральной энергии, питающийся, в том числе, невероятной эмоциональной перемчивостью и бесконечными конфликтами с перепадами от любви до...

Меня, конечно, восхищала ее мужественность. Ведь только по каким-то отдельным словечкам, отдельным фразам, которые она случайно роняла, я догадывался о ее тяжелой болезни. Но она была настолько неотъемлема от театрального ландшафта города, что никакого предчувствия беды не было. Есть люди, которые, кажется, должны вечно быть тут. Вера Максимова была из этой человеческой породы. Очень трудно свыкнуться с мыслью, что теперь о ней приходится говорить в прошедшем времени.